

3. Грюнберг П.Н. История русской армии и ранняя русская грамзапись // Военный исторический журнал. 2007 № 9. С. 67–71.
4. Грюнберг П.Н. К 100-летию грамзаписи. «Непобедимый граммофон» (Очерк истории граммофонной пластинки и граммофона и создания звуковой индустрии) // «Мелодия». М., 1987 № 3. С. 50-51; №. 4. С. 24-25.
5. Грюнберг П.Н. Ранняя русская грамзапись у истоков информационного общества // Родина. 2010. № 3. С. 132-136.
6. Грюнберг П.Н. Ранняя русская грамзапись в контексте национальной и мировой культуры // Вестник Московского государственного университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурные коммуникации. 2005. № 4. С. 90–99.
7. Грюнберг П.Н. Ранняя русская грамзапись и ее роль в создании первичного единого информационного пространства // Отечественные архивы. 2008 № 6. С. 16–23.
8. Грюнберг П.Н., Янин В.Л. Дата первых граммофонных записей Ф.И. Шаляпина // «Памятники культуры. Новые открытия». Ежегодник Научного совета по мировой культуре АН СССР за 1988 год. М., 1989. С. 186-192.
9. Железный А.И. Пластинки «Колумбия» // «Мелодия». М., 1982. № 1(10).
10. Железный А. И. Наш друг – грампластинка. Киев., 1987.
11. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
12. Перкинс Дж. Ф., Келли Э. и Уорд Дж. О матричных номерах компании «Граммфон» 1898–1921 // The Record Collector. 1976. Vol. XXIII. P. 51–90. Перевод с англ. В. Тирдатова. Рукопись.
13. Регирер Е.И. Исторический обзор // Граммфонная пластинка. М.-Л., 1940.
14. Федоров В.А. История России 1861-1917. М., 2003. С. 367.
15. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
16. Янин В.Л. Реконструкция каталога вокальных записей русского отделения компании «Граммфон» («The Gramophone Company Ltd.» и «Zonophone») 1899-1915 гг. М., 2002
17. Янин В.Л. Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения // Археографический сборник за 1977 год. М., 1978. С. 27-37.
18. Bennett. John R. Voice of the Past. Vocal recordings 1898–1925. Volume 11. A Catalogue of Vocal Recordings from The Russian Catalogues of The Gramophone Company Limited (Obshchestvo Grammofon s ogr. otv.) 1899 – 1925. England. Lindfort., The Oakwood Press. 1977.
19. Gaisberg F. W. Music on Record. London., 1943.
20. Gelatt. R. The Fabulous Phonograph 1877–1977. London., Cassell. 1977.
21. Girard V. and Barnes H.M. Vertical-cut Cylinder and Disc. London., BIRS. 1964.
22. Grosse G. Von der Edisonwalze zur Stereoplatte. (Die Geschichte der Stereoplatte). Berlin., 1981.
23. Haas W. Das Jahrhundert der Schallplatte. Eine Geschichte der Phonographie. Bielefeld., 1977
24. 100 Jahre Schallplatte. Von Hannover in die Welt. Hannover-Hamburg., 1987.
25. Juettemann H. Phonographen und Grammmophone. Braunschweig., 1979.
26. Lange H. H. Die Deutsche “78er” Discographie. Berlin., 1978.
27. Morton-Moses. J. Guide To American Recordings 1895–1925. NY, 1949.
28. Read O. and Welch W.L From Tin Foil to Stereo (Evolution of the Phonograph). Indianapolis: Howard & Sams, 1976.
29. Riess C. Knaurs Weltgeschichte der Schallplatte. Zurich., 1966
30. Teubig K. Deusche Schellackschallplattenmarken. 1894 – 1958. Hannover (?), 1988.

УДК 94”1939/45”

Никифоров Ю.А.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ПОДГОТОВКА СССР К ВОЙНЕ С ГЕРМАНИЕЙ В 1941: ГРАНИЦЫ ДИСКУССИИ*

Аннотация. В статье дан историографический обзор проблемы подготовки СССР к вероятной войне с Германией в 1941 г. Автор сосредоточивает внимание на оценке характера германского нападения 22 июня 1941 г., которое ни в коем случае не может быть признано превентивным. Что касается

подготовки Советского Союза к отражению агрессии, то анализ современной историографии показывает несостоятельность попыток обвинить советское руководство в подготовке упреждающего удара по немецким войскам.

Ключевые слова: СССР, Германия, 22 июня 1941 г., превентивный удар, «Соображения по плану стратегического развертывания Красной Армии», Сталин.

* © Никифоров Ю.А.

Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект НК 70 П.

Yu. Nikiforov

Sholokhov Moscow state university for humanities

SOVIET DEFENSE PLANNING IN 1941

Abstract. In this article the author performs a historiographical analysis of USSR state of readiness to the potential war with Germany. The author pays attention to the character of Wehrmacht attack on the 22 of June, 1941, which in any case can be described as a preventive action. As for the Soviet Defense Planning, it is necessary to stress the point that all the accusations against Soviet leaders in preparing the preventive attack against Germany are groundless

Key words: USSR, Germany, 22 of June, 1941, preventive attack, "Observations on Red Army Strategic Deployment", Joseph Stalin.

В подготовке страны и вооруженных сил к отражению возможной агрессии важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, предусматривавшее определение порядка развертывания вооруженных сил, создание группировок войск для ведения военных действий и замыслы первых стратегических операций.

В зависимости от складывающейся международной обстановки, а также изменений сил и средств, форм и способов ведения вооруженной борьбы содержание разрабатываемых планов постоянно уточнялось. В предвоенные годы и накануне войны в СССР сложилась система разработки оперативно-стратегических планов ведения войны, она представляла собой комплекс различных документов, которые делились на две взаимосвязанные части — оперативную и мобилизационную.

Основу оперативной части плана составляли план стратегического развертывания вооруженных сил, план прикрытия мобилизации и сосредоточения войск и планы первых фронтовых операций. Основу мобилизационной части плана составляли план (схема) мобилизационного развертывания вооруженных сил (мобилизационный план) и план мобилизации промышленности.

Перед началом Второй мировой войны последний оперативный план был утвержден правительством (ЦК и СНК) в ноябре 1938 г. К разработке нового плана Генштаб под руководством Б.М. Шапошникова приступил в июле 1940 г., однако последовавшие события в Прибалтике и Бессарабии потребовали внесения корректив. В августе документ за

подписью С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошникова был готов, однако правительством в него были внесены изменения, касающиеся предполагавшегося направления главных ударов противника и, соответственно, направлений операций РККА. Эти изменения вносились и дорабатывались уже под руководством нового Начальника Генштаба К.А. Мерецкова. Документ был представлен в правительство, и после обсуждения и доработки утвержден 14 октября 1940 г.

В 1941 г. под руководством нового Начальника Генштаба Г.К. Жукова работа по уточнению документов оперативного планирования продолжалась. Следует отметить, что известные историкам документы, подготовленные в Генштабе весной 1941 г. — прежде всего два варианта «Соображений по плану стратегического развертывания» — представляют собой черновики, испещренные многочисленным числом исправлений, на которых отсутствуют подписи должностных лиц. Тем не менее они позволяют реконструировать представления советского военного руководства о характере действий Красной Армии в будущей войне.

Анализ этих документов подтверждает зафиксированный в мемуарах советских военачальников факт, что советское военное руководство исходило из ошибочных представлений о начальном периоде войны. «При переработке оперативных планов весной 1941 года, — свидетельствовал Г.К. Жуков, — практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в её начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений» [9, 230-240]. О том же говорил и А.М. Василевский: хотя руководство Генштаба и исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником...», тем не менее, «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15 - 20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны...» [3; 8].

Какие подтверждения этому можно найти в рассекреченных документах?

В «Соображениях...» от 18 сентября 1940

г., после постановки задачи войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии», указывалось: «В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию» [19, 247]. Таким образом, «нанесение удара» (Здесь и ниже курсив наш – Ю.Н.) планировалось на 20-й день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной»¹.

Разработанным в штабе КОВО планом развертывания войск округа на 1940 г. предусматривалось, что войска будут готовы к переходу в наступление на тридцатый день мобилизации (см. п. III), причем сосредоточение и развертывание должно было проводиться после начала войны (п. V). В ходе первого – оборонительного – этапа предполагалось «уничтожение живой силы наступающего противника» (п. V.1) и нанесение авиацией «мощных ударов» по железнодорожным узлам с целью «нарушить и задержать сосредоточение немецких войск» (п. V.6) [19, 492-493].

Несомненный интерес представляют документы, подготовленные Генштабом непосредственно перед войной – в мае-июне 1941 г. Ознакомление с директивами Генштаба командованию западных приграничных округов, а также планами прикрытия, разработанными в округах непосредственно перед нападением Германии, дает возможность с уверенностью говорить, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранялись у командования РККА до 22 июня 1941 г.

Например, задачи обороны в директивах, отданных Генштабом в мае 1941 г. в КОВО и ЗапОВО, определяются следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмотобилизованные, сосредоточенные и развертываемые войска округа. /.../ Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника» [20, 227; 17, 117]. Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации [17, 120]. Таким образом, составители директив исходили из того, что

военные действия начнутся до окончательного отмотобилизования и сосредоточения главных сил Красной Армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий.

На основе этой директивы в штабе КОВО был разработан окружной план, в котором командование округа повторяло основные положения директивы Генштаба: «разрушением ж/д мостов и узлов Ченстохов, Катовице, Краков, Кельце, а также действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск» [14, 8].

В «Записке по плану действий войск в прикрытии», составленной в ЗапОВО, авиации ставилась такая же задача: «...нарушить и задержать сосредоточение войск противника» [15, 11].

Что касается командования ПрибОВО, то, говоря о задачах разведки, составители плана в этом округе указывали: «Цель разведки – с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление» [13, 13]. Яснее не скажешь – война начнется как-то иначе, но не решительным наступлением главных сил противника, считали в штабе ПрибОВО (следует подчеркнуть, что командование *всех* без исключения округов в планах прикрытия ставило перед своими войсками оборонительные задачи на всем протяжении границы, а значит, никаких оснований для истолкования приведенных отрывков как свидетельств того, что СССР собирался первым открыть военные действия, нет).

Таким образом, советское военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в сражение главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника.

В то же время «Соображения...» от 15 мая 1941 г. [7, 40-45; 8, 303-309; 20, 215-220] позволяют предположить, что руководство Генштаба в лице Г.К. Жукова и А.М. Василевского осознавало и было обеспокоено тем, что Германия имела очевидное преимущество в сроках сосредоточения и развертывания на границах СССР армии вторжения относи-

тельно противостоящих ей сил Красной Армии. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, – указывалось в документе, – она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». После же перечисления задач, поставленных перед войсками фронтов, предлагалось осуществление необходимых подготовительных мероприятий по отобилизованию и сосредоточению войск [20, 216].

К сожалению, многими историками этот документ без серьезного обоснования был истолкован как план упреждающего удара, предложение нанести который якобы было сделано руководством Генерального штаба Красной Армии И.В. Сталину в мае 1941 г. При этом упреждающий удар понимался как предложение проявить инициативу в развязывании военных действий [1, 16].

Однако выражения «предупредить в развертывании», нанести «внезапный удар» не обязательно в данном контексте должны означать «осуществить нападение». Если планировалось, что на развертывание войск и той, и другой стороне потребуется какое-то время уже после начала войны (иными словами, «нанесение удара» и открытие военных действий хронологически не совпадают), то выражение документа «упредить в развертывании» должно пониматься как отражение стремления осуществить его в более короткий срок, чем это сделает противник (сократив тем самым пресловутый «начальный период»), и, естественно, нанести удар первым. Ничего более. Истолкование данного документа как предложения открыть военные действия, развязать войну является неоправданным расширением тезиса и без дополнительной аргументации неприемлемо.

Утвердившееся в литературе мнение о том, что советским военным и политическим руководством весной 1941 г. рассматривался такой вариант начала войны с Германией, при котором инициатором начала военных действий выступил бы СССР, ли-

шено достаточных оснований. Во всяком случае, сторонникам этой версии следовало бы поискать дополнительные документальные подтверждения в свою пользу, поскольку соответствующую интерпретацию известных документов планирования нельзя не признать произвольной.

Составители майских «Соображений...», учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали И. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной Армии непосредственно после начала войны нанести противнику «внезапный удар», упредив его в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произойти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война всё-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность между двумя странами разрешится как-нибудь иначе. В этой связи уместно сослаться на работы О.В. Вишлёва, где содержатся убедительные доводы в пользу того, что советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае – какая-либо провокация со стороны Германии [4; 5; 6]. Кроме того, советской разведке не удалось своевременно вскрыть замысел противника; докладываемые Сталину разведсводки и спецсообщения содержали противоречивые сведения о планах Германии и сроках её вероятного нападения на СССР.

В любом случае, советские генералы допускали ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадёт хронологически с началом военных действий. Напомним известное признание Г.К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью

нанесения сокрушительных рассекающих ударов» [11, 29-30].

Непосредственный свидетель и участник событий тех лет, причем весьма информированный, П.А. Судоплатов, успел откликнуться на развернувшуюся в начале 1990-х гг. дискуссию по поводу советских предвоенных планов. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, – заявил он, – что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий» [18, 216].

Представляется все же, что советскому руководству не удалось найти адекватный ответ на проблему, связанную с осознанием неравности стартовых условий двух стран при осуществлении отмобилизования войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено. В мае 1941 г., после полета заместителя А. Гитлера по нацистской партии Р. Гесса в Великобританию, ситуация требовала немедленных действий по форсированию соответствующих мероприятий, пусть даже ценой несоблюдения маскировки – именно это имел в виду А.М. Василевский, когда говорил о необходимости «твердо сделать шаг вперед» к «рубикону войны», на что Сталин вовремя не решился [2, 68].

Выступить инициатором начала военных действий в тот момент, когда назревал, как опасались в Москве, англо-германский компромисс, означало бы для СССР не только отказаться от выгод, которые давал ему статус нейтрального государства и навязать себе войну с очень сильным и опасным противником, но и стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств.

Кроме того, политическое руководство и командование РККА не могло не понимать, что страна и вооруженные силы еще не были готовы к войне. Экономика не была переведена на военное положение. Производство новых образцов танков, самолетов и других видов вооружения только началось. Крас-

ная Армия находилась в стадии коренной реорганизации. В этих условиях Советскому Союзу было крайне необходимо оттянуть начало войны хотя бы на 1-2 года.

Когда советское политическое руководство и командование РККА осознали, что войны с Германией в самое ближайшее время не избежать, наши вооруженные силы явно запаздывали с созданием исходной группировки войск, предусмотренной предвоенными планами. Сосредоточение и развертывание войск Красной Армии осуществлялось как реакция на становившуюся все более явной угрозой германского нападения, и поэтому не могло не запаздывать по сравнению с аналогичными мероприятиями врага. Поэтому, вероятно, Сталину в последние мирные дни не оставалось ничего иного, как продолжать прежнюю линию: «во что бы то ни стало, выиграть время», «еще неделю, еще 15-20 дней...», «не поддаваться на провокации...», избегать действий, которые могли ускорить выступление Германии. Все помыслы и действия Сталина в это время, писал Г.К. Жуков, «были пронизаны одним желанием – избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся» [10, 324].

Изложенные в «Соображениях...» планы первых операций РККА носят наступательный характер, что дало ряду историков, в первую очередь последователям В. Суворова-Резуна, дополнительный повод для обвинения СССР в подготовке нападения на Германию. Однако прямой связи между характером действий вооруженных сил и политическими целями войны нет. Наступление и нападение – разные вещи. Как представляется, Генеральный штаб и Наркомат обороны, будучи, в сущности, всего лишь инструментом в руках политиков, при планировании операций вообще могли не рассматривать вопрос о том, кто именно будет инициатором военных действий – СССР или Германия. Войска должны были быть готовы разгромить противостоящего им противника в любом случае. Советское командование не планировало отступления вглубь страны в духе 1812 г., рассчитывая с первых дней войны начать борьбу за стратегическую инициативу. Только такой вариант позволял надеяться на успешный исход столкновения со столь мощным противником, каким являлась гитлеровская Германия. И в этом не было ничего исключительного – как убедительно показал А.В. Исаев, все планы

крупных держав, участниц как Первой, так и Второй мировой войн, были наступательными [12, 11-20]. Даже Финляндия и Польша планировали «наступательную войну». Тем не менее, никому не приходило и не приходит в голову обвинять Францию или Польшу в подготовке нападения на Германию только потому, что военные этих стран в случае войны планировали действовать «наступательным образом».

Так что «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования (на обоснование какого некоторыми историками потрачено немало усилий) никак не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г., или же служить аргументом в пользу некой особой «агрессивности» сталинского СССР.

* * *

Не подлежит сомнению, что агрессия Германии против СССР являлась реализацией программной установки Гитлера на завоевание «жизненного пространства» на Востоке Европы и уничтожение Советского Союза как национально-государственного образования и социальной системы.

Что касается Советского Союза, то рассекреченные в 1990-е гг. документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке им нападения на Германию. Более того, нет достаточных оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной Армии упреждающего удара по сосредотачивающимся у границы немецким войскам.

Конечно, советское руководство готовилось к войне: долгосрочные стратегические планы Гитлера, мероприятия германской армии по подготовке к вторжению с определенного момента не являлись для советского руководства тайной, и не реагировать на них было преступным легкомыслием. Однако СССР не намеревался нападать на Германию. Мир с ней был для него во всех отношениях более выгодным, чем столкновение с непредсказуемыми последствиями. Весной – в начале лета 1941 г. правительство СССР сделало максимум возможного, чтобы удержать Германию от военного выступления и начать развертывание Красной Армии лишь после того, как обстановка станет критической. Но и выдвигая войска к границе, оно

продолжало искать пути преодоления кризиса мирными средствами.

Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 г. или позднее, – спекуляции, не имеющие документального подтверждения. Планы стратегического развертывания на этот период Генеральным штабом Красной Армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 г. СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г. Но это еще отнюдь не означает, что Сталин непременно напал бы на Германию. Мощь Красной Армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Использование авторами выражения «активная оборона» свидетельствует, что в их представлении в период сосредоточения главных сил боевые действия будут уже вестись.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бобылёв П.Н. К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5.
- Василевский А.М. В те суровые годы // Военно-исторический журнал. 1978. № 2.
- Василевский А.М. Накануне 22 июня 1941 года (неопубликованное интервью Маршала Советского Союза А.М. Василевского от 20 авг. 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1994. № 6.
- Вишлев О.В. «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995.
- Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
- Вишлев О.В. Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С.86-100; № 2. С.70-96.
- Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. №3. С.43-44.
- Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т.2.
- Исаев А.В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004.
- Конец глобальной лжи / Публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. №2.
- Конец глобальной лжи: когда Киев еще не бомбили / публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Во-

- енно-исторический журнал. 1996. №4.
 15. Конец глобальной лжи: на Западном направлении / публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. №3.
 16. Новая и новейшая история. 1993. № 3.
 17. Новая и новейшая история. 1997. №5.

18. Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
 19. 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998. Кн.1.
 20. 1941 год: в 2-х кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998. Кн.2.

УДК 94(47)

Юрченко И.Ю.

Московский авиационный институт

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА И ПРОБЛЕМ ЕГО ЭТНО-СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ПО ПЕДАГОГИКЕ*

Аннотация. В статье представлены результаты историографического анализа трактовок феномена казачества в диссертациях на соискание ученой степени по педагогическим наукам. В новейшей российской истории возрождение казачества вызвало широкий научный и общественный интерес к этому феномену отечественной истории. Центральное место в современной историографии занимает проблема этнической и социальной идентификации казачества. Автор показывает, что этот вопрос является определяющим в трактовке казачества не только для историков, но и для педагогов. Так же, как и в исторической науке, в педагогике исследователи делятся на два основных направления: сторонников признания отдельной этничности казаков и их оппонентов, считающих казачество, прежде всего, социокультурным явлением в контексте традиционной русской культуры.

Ключевые слова: казачество, этнопедагогика, исторический феномен, социокультурное явление, этничность казаков, диссертации, историография.

I. Jurtchenko

Moscow Aviation Institute (State Technical University) - "National Research University of aircraft, missile and space systems."

COSSACKS AS AN HISTORICAL PHENOMENA AND THE PROBLEM OF THEIR ETHNICAL AND SOCIAL IDENTITY. REVIEW OF THE EDUCATIONAL THESES OVER THE LAST FEW YEARS

Abstract. In this research the author analy-

* © Юрченко И.Ю.

ses all the treatments of the Cossacks's phenomena appeared in the postgraduate and doctoral theses in the Russian educational science over last few years. The Cossacks's renaissance viewed in the contemporal Russian history attracts the large scientific and public interest. The problem taking the central stage in the contemporal historiography is the Cossacks's ethnical and social identity. The author shows that this matter is the determinant for treatments of the Cossacks's phenomena not only among historians but among teachers too. As in the historical science educational researchers can be divided into two basic parties. The scientists in the first one suppose the Cossacks the separated ethnic group while the others characterize them as sociocultural phenomena inside of Russian culture.

Key words: Cassacks, ethnical educational science, historical phenomena, sociocultural phenomena, ethnical Cassacks's identity, theses, historiography.

Сложные и порой неоднозначные процессы возрождения казачества в сегодняшней России закономерно вызывают повышенный научный и общественный интерес как к истории казачества, так и к самой природе этого феномена отечественной истории. Одной из главных проблем феноменологической природы казачества в новейшей историографии стал вопрос его этно-социальной идентификации. При этом казачество оказывается в фокусе научных исследований не только историков, но и представителей многих гуманитарных дисциплин: политологов, юристов, экономистов, социологов,